

Молчание больше не защита Субсидиарная ответственность и её неотвратимость: как за десять лет исключительная мера стала правилом

Аннотация

Ещё в 2017 году Пленум Верховного Суда РФ называл субсидиарную ответственность контролирующих лиц исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов, требующим от кредитора полного доказывания состава правонарушения. К концу 2025 года эта формула фактически перевернулась: Президиум Верховного Суда РФ в обзоре от 19.11.2025 закрепил модель, при которой кредитору достаточно доказать долг, признаки недействующего лица и контроль ответчика над должником, а дальше бремя переходит на ответчика, и его молчание презюмируется виной. В статье предпринята попытка проследить эволюцию на материале практики 2017–2026 годов: от банкротной ответственности по ст. 61.11 Закона о банкротстве до её внебанкротного аналога по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, и делается вывод о том, как оба режима сходятся к одному вектору: субсидиарная ответственность перестаёт быть исключением и становится «по умолчанию» для контролирующего лица, которое не озаботилось собственной защитой.

1. Точка отсчёта: ответственность как крайняя мера

Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 задавал тон на годы вперёд: привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности – механизм исключительный, применяемый с учётом сущности юридического лица как обособленного субъекта, его самостоятельной ответственности и широкой свободы усмотрения участников корпораций при принятии деловых решений. Пункт 18 того же постановления вводил правило защиты делового решения: контролирующее лицо не отвечает, если его действия не выходили за пределы обычного делового риска.

Симметричная логика действовала и во внебанкротной модели по п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», применяемой при исключении ООО из ЕГРЮЛ как недействующего. В определении Верховного Суда РФ от 25.08.2020 № 307-ЭС20-180 было сформулировано, что ответственность может и презюмироваться, а истец должен доказать, что невозможность погашения долга возникла именно по вине ответчика в результате его неразумных или недобросовестных действий. На практике это означало, что бремя доказывания недобросовестности контролирующего лица целиком лежало на кредиторе, то есть стороне, объективно не имеющей доступа ни к документам должника, ни к сведениям о финансовых потоках. Как следствие, доля удовлетворённых требований по этой категории споров не превышала четверти дел, вчетверо меньше, чем в банкротных спорах о субсидиарной ответственности, где действовали облегчающие презумпции ст. 61.11 Закона о банкротстве.

2. Первый сдвиг: дело Карпук и рождение презумпции

Постановлением от 21.05.2021 № 20-П по делу Карпук Конституционный Суд РФ впервые системно объяснил, зачем норме п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО вообще нужна презумпция. Логика была следующая, мол если истец представил доказательства убытков и факта исключения общества из ЕГРЮЛ, то дальше именно контролирующее лицо должно объяснить, что произошло с обществом, а при отказе от пояснений (в том числе неявке в суд) или их явной неполноте бремя доказывания правомерности своих действий и отсутствия причинно-следственной связи переходит на ответчика.

Это была первая опровержимая презумпция противоправности в пользу кредитора, с оговоркой, что кредитором выступало физическое лицо – потребитель. Конституционный Суд РФ не исключил её распространения и на иных кредиторов, но и не придал ей универсального характера: вопрос был оставлен на усмотрение судов, оценивающих реальные возможности конкретного кредитора получить доступ к документам должника.

3. Второй сдвиг: дело Покуля и предприниматели

Постановлением от 07.02.2023 № 6-П по делу Покуля Конституционный Суд РФ распространил ту же логику на кредиторов-предпринимателей, но обусловленно, только при одновременном наличии нескольких обстоятельств: производство по делу о банкротстве прекращено до введения первой процедуры из-за отсутствия средств на её финансирование; общество должник исключено из ЕГРЮЛ как недействующее; кредитор не имеет фактического доступа к документам о хозяйственной деятельности должника; а ответчик не раскрывает информацию о том, как в действительности велась хозяйственная деятельность общества.

Здесь же Конституционный Суд РФ сформулировал встречные требования к добросовестности самого кредитора: тот не должен способствовать увеличению вреда (ст. 1083 ГК РФ), обязан убедиться в невозможности исполнения обязательства как в добровольном, так и в принудительном порядке, и своевременно задействовать доступные способы взыскания. Получилась двусторонняя конструкция: презумпция работает в пользу добросовестного кредитора, но перестаёт работать, если у него был реальный доступ к сведениям о должнике (например, у ФНС России, банка, в котором открыт счёт должника, или у аффилированного лица).

4. Третий, решающий сдвиг: Обзор Президиума Верховного Суда РФ от 19.11.2025

Если Карпук и Покуля вводили презумпцию точно, для отдельных категорий кредиторов и при заданном наборе условий, то обзор практики рассмотрения дел, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ, возводит её, так сказать, в ранг общего правила доказывания

Здесь необходима оговорка. Обзор этот, не привычная нам подборка позиций со ссылками на первоисточники, а, скорее, литературный пересказ судебной практики, причём, надо отдать должное авторам, пересказ весьма вольный: автору статьи знакомы реальные дела, положенные в основу обзора, и некоторые из них были разрешены совсем в ином ключе, а главное, при других фактических обстоятельствах, которые в обобщённом виде попросту исчезли. Поэтому обзор представляет собой не столько анализ конкретных споров,

сколько конструирование абстрактной модельной ситуации, под которую задним числом подведены реальные казусы, независимо от того, насколько точно она им соответствует.

Пункт 1 обязывает контролирующее лицо дать пояснения о причинах неисполнения обязательств и прекращения хозяйственной деятельности общества. Пункт 2 Обзора формулирует новый, существенно облегчённый стандарт: кредитору достаточно доказать наличие задолженности, признаки недействующего юридического лица и контроль над должником со стороны ответчика, после чего бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий переходит на ответчика. Пункт 3 идёт дальше: в случае уклонения контролирующих лиц от представления информации и документов, объясняющих причины невозможности расчётов с кредитором, презюмируется, что полное погашение задолженности стало невозможным именно вследствие их действий. Пункт 4 снимает с кредитора ещё один традиционный довод против него: непредставление возражений против исключения должника из ЕГРЮЛ само по себе не препятствует последующему требованию о привлечении контролирующих лиц к ответственности.

По сути, произошла инверсия модели 2020 года: тогда презумпция вины в принципе отсутствовала, теперь же молчание ответчика само по себе становится доказательством против него.

5. Дело Сарафанова: неотвратимость на практике

Определение Верховного Суда РФ от 25.02.2026 № 305-ЭС25-10940 это не просто иллюстрация нового обзора, а, по сути, дело, в рамках которого Обзор и формировался: коллегия ссылается на его пункты 1–4 как на действующий стандарт.

Фабула по-своему показательна. Предприниматель Сарафанов приобрёл на торгах в деле о банкротстве кредитора безнадёжную дебиторскую задолженность общества «Форагранд» по цене в сто с лишним раз меньше номинала, уже зная, что должник помечен к исключению из ЕГРЮЛ. Три инстанции отказали в иске к обоим контролирующим лицам Повеляйкину (директор и участник в 2011–2018) и Скимову (директор и участник в 2019–2021, в период самого исключения), сославшись на неосмотрительность истца и недоказанность недобросовестности ответчиков.

Верховный Суд РФ разделит судьбу двух ответчиков. В отношении Повеляйкина отказ был оставлен в силе, но не потому, что презумпция не сработала, а по формальному, процессуальному основанию: истёк срок исковой давности (к чему есть большие вопросы, но это не предмет статьи), а истечение давности – самостоятельное основание для отказа в иске, не требующее исследования иных обстоятельств (абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ). А вот в отношении Скимова, который на момент исключения общества фактически контролировал его и не дал вообще никаких объяснений ни по существу спора, ни по движению средств на счетах общества, которые суд апелляционной инстанции установил через запросы, коллегия признала отказ судов необоснованным. Дело было направлено на новое рассмотрение с указанием оценить добросовестность ответчика с учётом наличия или отсутствия его пояснений.

При новом рассмотрении суд выполнил это указание буквально. Скимов вновь не представил отзыва и не объяснил движение денег по счетам общества, куда в спорный период поступали суммы, и суд применил презумпцию п. 3 Обзора: «Оснований полагать, что Скимов действовал добросовестно, предпринимал разумные меры по исполнению обязательств контролируемым им обществом, у суда не имеется». Иск удовлетворён полностью.

Показательно и то, что суд по собственной инициативе, через запросы в налоговую и банки, восполнил доказательственный пробел, который прежде однозначно относился на риск кредитора. Это уже не просто перераспределение бремени доказывания между сторонами, а активная роль суда в его формировании, что для арбитражного процесса нехарактерно и подчёркивает вектор.

6. Второй фронт: перевод бизнеса как классический сценарий недобросовестности

Параллельно с внебанкротной моделью аналогичная логика от абстрактной недобросовестности к перечню проверяемых обстоятельств выстроена судебной практикой и в банкротной субсидиарной ответственности по ст. 61.11 Закона о банкротстве применительно к переводу бизнеса. Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2022 № 304-ЭС17-18149(10-14) называет перевод бизнеса с одного лица на другое, как правило, недобросовестным, поскольку он, как правило, сопровождается неоплатой долгов перед кредиторами прежней компании при одновременном переводе персонала и бизнес-процессов, генерирующих доход, на новое лицо.

Судебная практика выработала устойчивый перечень признаков, совокупность которых указывает на перевод бизнеса: создание новой компании во время или сразу после налоговой проверки прежней; совпадение адресов, сайта, контактного телефона, производственных ресурсов; счета в одном банке, вход в интернет-банкинг с общего IP; использование товарного знака взаимозависимой компании; переход персонала с сохранением прежних функций и должностей; перезаключение контрактов с контрагентами на новое лицо; безвозмездная либо заниженная передача активов; фактический контроль обеих компаний одним лицом.

При этом практика намеренно избегает автоматизма: сама по себе аффилированность хозяйствующих субъектов, осуществление ими аналогичного вида деятельности и деятельность на одном товарном рынке не свидетельствуют о противоправном переводе бизнеса и не являются достаточным основанием для привлечения контролирующих лиц к ответственности. Для этого необходимо установить конкретные недобросовестные действия, направленные на вывод активов или бизнеса должника, извлечение выгоды за его счет и причинение вреда кредиторам (постановление АС Московского округа от 12.07.2024 по делу № А41-36245/2020). Точно так же переход незначительной части сотрудников должника (6 из 86 штатных единиц) и отсутствие доказательств принятия новым юридическим лицом прав и обязанностей должника, получения его активов либо исполнения по его договорам были признаны недостаточными для вывода о переводе бизнеса и привлечения нового юридического лица к субсидиарной ответственности (постановление АС Северо-Западного округа от 23.10.2024 по делу № А45-22744/2019). Иными словами,

критерии перевода бизнеса – это не список автоматических триггеров, а инструмент содержательной проверки, требующий оценки совокупности, а не отдельного признака.

Отдельная и практически значимая позиция сформулирована ещё определением Верховного Суда РФ от 07.10.2019 № 307-ЭС17-11745(2): субъекту субсидиарной ответственности недостаточно ограничиться отрицанием обстоятельств, на которых настаивает кредитор, ему нужно представить собственную версию событий. Тот же принцип, по существу, теперь закреплён и в обзоре от 19.11.2025 применительно к внебанкротной ответственности: пассивная защита больше не работает ни в одном из двух режимов.

7. Антикризисный период: где проходит грань между обычным риском и недобросовестностью

Оба режима субсидиарной ответственности сходятся и в другой точке, в повышенном внимании судов к поведению контролирующего лица в период финансового кризиса. Ключевую роль здесь играет дата объективного банкротства – момент, когда компания фактически утратила платёжеспособность. Проблема в том, что такая дата не фиксируется формально и не совпадает с бухгалтерской датой, а устанавливается постфактум через анализ: директор в момент принятия решений, как правило, не знает точно, наступила она или нет. Между тем именно от такой даты зависит момент возникновения обязанности по подаче заявления о банкротстве и, соответственно, объём личной ответственности руководителя за обязательства, возникшие после этой даты.

Судебная практика при этом различает решения, которые подтверждают добросовестную попытку выйти из кризиса, и решения, воспринимаемые как крайне негативно. К первой группе относятся: реструктуризация задолженности, погашение долгов перед бюджетом и работниками, реализация непрофильных активов, переговоры о крупных контрактах, разработка финансового плана. Так, Арбитражный суд Волго-Вятского округа в постановлении от 28.06.2024 по делу № А11-7551/2019, отказывая в привлечении руководителя к субсидиарной ответственности, в числе прочего учел предпринятые им меры по преодолению финансовых затруднений общества, в частности ведение переговоров о заключении крупных контрактов, исполнение которых могло существенно улучшить финансовое состояние должника. Ко второй группе относятся, в частности, наращивание неликвидной дебиторской задолженности, осуществление заведомо убыточных операций, продолжение деятельности, усугубляющей финансовое положение должника, выдача заведомо невозвратных или экономически необоснованных займов, а также вывод основных средств по нерыночным ценам и выплата дивидендов в кризисный период. Так, в постановлении АС Центрального округа от 02.11.2024 по делу № А83-18846/2019 в числе оснований привлечения руководителя к субсидиарной ответственности суды учли продолжение выдачи значительных беспроцентных займов без какого-либо обеспечения при том, что ранее предоставленные займы не обслуживались и не возвращались.

При этом отдельные правомерные действия сами по себе защиты не формируют. Судебная практика последовательно требует не разрозненных мер, а системных. Зафиксированного плана, отвечающего на три вопроса: за счёт чего компания намерена

выйти из кризиса, какие конкретно действия предпринимаются и почему они должны привести к результату. Отсутствие такого плана, как правило, само по себе воспринимается судом как отсутствие разумной деловой логики, даже если формально каждое отдельное решение объяснимо.

8. Почему это один и тот же вектор

Такие линии, как внебанкротная презумпция по обзору от 19.11.2025 и критерии перевода бизнеса, и стандарт поведения в антикризисный период, формально относятся к разным нормам (п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, ст. 61.11 Закона о банкротстве), но движутся в одном направлении. Везде задача суда смещается с вопроса «доказал ли кредитор, что ответчик виновен» на вопрос «объяснил ли ответчик, что на самом деле происходило». Там, где десять лет назад ответственность называлась исключением из правила ограниченной ответственности участника, сегодня исключением всё чаще оказывается сама возможность её избежать, а достигается это не за счёт некоего нового материального основания, поскольку состав правонарушения (противоправность, вред, причинно-следственная связь, вина) – остаётся неизменным, а за счёт последовательного облегчения кредитору доказывания и симметричного ужесточения требований к активности защиты ответчика.

9. Что это означает для защиты контролирующего лица

Из прослеженной эволюции вытекает несколько практических выводов для линии защиты.

Молчание больше не нейтральная позиция. И в банкротной, и во внебанкротной модели неявка в процесс, непредставление отзыва и отказ раскрыть документы теперь презюмируются в пользу кредитора – это не техническая неявка, а фактическая утрата спора, как показывает дело Скимова.

Собственная версия событий обязательна. Суды требуют не опровержения отдельных доводов заявителя, а связного объяснения, что случилось с бизнесом, куда делись активы, почему не исполнены обязательства, почему выбрана та или иная модель ведения дел в кризисный период.

Процессуальные основания отказа сохраняют самостоятельное значение. Дело Сарафанова показывает: там, где презумпция недобросовестности не срабатывает автоматически, шанс на успешную защиту сохраняют формальные, процессуальные аргументы, прежде всего исковая давность и, иногда, давность предъявления листа к исполнению, которая, в отличие от материального состава правонарушения, продолжает оцениваться судом независимо от активности сторон по существу спора.

Документирование должно предварять кризис, а не следовать за иском. Отчёты о деятельности, протоколы решений с участниками, переписка о причинах отклонения от плана, а также весь другой доказательственный массив, который защита предъявляет уже в суде, формируется до, а не после возникновения спора. Исходя из практики, за долгом брошенной компании придут не сразу, а спустя годы, когда все документы будут потеряны. Директор, который не отразил логику своих решений, рискует проиграть по формальным основаниям, даже если, по существу, действовали разумно.

10. Вывод

Неотвратимость субсидиарной ответственности – не абсолютная категория и не новое правило, а результат последовательного, растянутого на десять лет смещения: от презумпции добросовестности к презумпции вины контролирующего лица при пассивном поведении. Формально состав правонарушения не изменился, противоправность, вред, причинная связь и вина по-прежнему требуют доказывания. Изменилось то, кто должен молчать, чтобы проиграть: раньше это был кредитор, не имевший доступа к документам должника, а сегодня это контролирующее лицо, которое сочло, что отсутствие ответа само по себе является защитой.

Дмитрий Андреевич Кольчугин,

Начальник юридического отдела по урегулированию убытков СРО ААУ "Синергия"

ИНН 2308980067

Москва, Бизнес-центр "Гостиный Двор",
ул. Ильинка, д. 4, оф. 310
Юр. (почт.) адрес: 350063, Краснодар
ул. Комсомольская, д. 45, оф. 11

8 800 777 77 84

SROSYNERGY@MAIL.RU

сросинергия.рф

